

Ирина Ермакова
Седьмая

Ирина Ермакова

Седьмая

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Ермакова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Е72

Художник серии: Сергей Труханов

И. Ермакова
Е72 Седьмая. Книга стихов. — М.: Воймега, 2014. — 88 с.

ISBN 978-5-7640-0153-1

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© И. Ермакова, текст, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

Как я жила до сих пор, ничего не зная,
вечно за целый свет принимая части,
вот она катит, молния шаровая, —
медленная, живая, как просто счастье.

Это не я, это тело, всего лишь тело,
бывших, расплавленных красно, лиц на фоне,
как раскалился мир — пока я летела,
чтоб наконец очнуться в твоей ладони.

Сходы лавин, бурлящие рек извивы,
дым над горящим лесом, четыре моря,
как мы легко смешливы, как мы болтливы,
солнце моё, словно нет на земле горя.

Речь на мефодице ревностно в рёбра бьётся,
память фонит, пульсар обрывает сердце,
как это будет, ну, например, по-сербски,
солнце моё? — так и будет, моё солнце.

Огненный воздух дрожит и уже на спуске,
в этот врезаюсь свет, различая блики,
слышу, как ты окликаешь меня по-русски,
сбив ударения, перемешав языки.

Глава первая

Части света

I

Объяснение

Щёлк! — из книги, распахнутой неосторожно,
сиганул кузнечик и строит рожи.
Никому ничего объяснить невозможно.
Все — другие. Даром что так похожи.

Все другие — за ним по столу и по шторе
кувырком, стучат по ушам колени,
верещат-трещат, как сухое горе,
убегают, будто от объяснений.

По рукам, по воздуху — взять их нечем,
угрызают слух, звенят плотоядно.
Несравненный толмач, иероглиф-кузнечик,
объясни мне то, что и так понятно.

Тишина скрипит. Голова пустая.
Ничего никому никогда без ошибки.
Звук молчит и строится, наезжая
с невозможной точностью дальней скрипки.

II

Перекрёсток

Двойного зренья фокус точный
разводит *я* на *я* и *я* —
привычный мир и мир заочный, —
двоится жажда бытия.

Так, с двух сторон гонима жаждой,
я перекрёсток рассекла,
таксиста глас многоэтажный,
вой тормозов и бой стекла.

Мигает глазом цвета пекла
свернувший шею светофор,
гудят гудки, ты что, ослепла? —
кричит испуганный таксёр.

О нет! — мне видно всё отсюда:
и горний ток, и дольний рёв —
как в точку сдвоенное чудо
на перекрестке двух миров.

Ш

Герой

Плавится полдень, в груди колотё,
взлётная дымка над лугом плывёт,
главный герой — загляденье моё,
смотрит, как вяжет петлю самолёт:
рёв напряжённый, дрожь, разворот.

Руки раскинул — травы не сминая,
свет необъятный легко обнимая.

Солнечный заяц бежит по щеке,
низкое небо стоит над душой,
кричит — электричка невдалеке,
сердце колотится, как чужое.

С каждым ударом — трава зеленой,
плотный накатанный воздух — синей,
ближе и ближе след самолётный,
набело связанный из ничего.

Смотрит герой и не видит его.

Просто лежит себе, как любой,
в метре каком-нибудь над собой.

IV

Лист

Человек проспится и живёт,
ничего ни в чём не понимает,
врёт, смеётся, бережно листаёт
перечень обид, а в нём растёт
малютка-смерть, и на ноги встаёт,
и ногами изнутри пинает.

Бац! — и содрогнёшься невзначай:
под углом к рассеянному свету
полужёлтый лист летит по лету
в осень. Отвернись. Не замечай.
Человек заваривает чай,
достаёт из пачки сигарету

и — ломает. И глядит, как лист,
лист полужелёный застекольный,
словно ничего ему не больно,
на открытом воздухе повис,
словно всё равно, что верх, что низ,
словно тесен промежуток дольний.

Чай — дымится. Всё почти прошло.
Просто летний лист из промежутка,
черенком подёргивая чутко,
смотрит в запотелое стекло.
Спи, не бойся, там ещё светло
и прозрачно. Спи, моя малютка.

V

Сумарочка

*Ивану Волкову
и Александру Сумарокову*

*Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано наавтрее в поход ийти.*

О ярость бесполезная чума война
да как же я останусь тут одним-одна
победой ли ославишься бедой какой
да как же ты управишься с одной ногой
без флейты кипарисовой ружья коня
без головы без совести и без меня

Не мучайся печальница не плачь не суть
всё как всегда всё сладится уж как-нибудь
прощай моя болезная крепись душа
подробности железныя живопиша

VI

Прогулка

♦

Мне давно не смешно.
Пусти — не могу.
Огневица стягивает дугу.
Пробегают искра в разломе туч,
И трещит воздух, что майский хрущ.
Недохнуть — пусти, я и так без лёгких,
без тяжких пусти,
уже без пяти,
язык обугливается на вдохе.

Хоть на пять минут, на слабó, на опять,
на один выдох
в предвкушении взбучки
пусти-меня-Господи-погулять
в самой ближней нижней — рукой подать,
в самой зелёной Твоей тучке.

♦

Вот вытрясли всю душу, вот она
взвилась, махнув рукой на это тело,
шарахнулась от койки до окна
и не оглядываясь полетела.

Гуляй — чего там! Там — она одна.
И там ничуть не лучше. Там она
уже скулит и тянется назад,
уже боится перепутать тело
и предвкушает, маясь у окна,
разборки оголтелого полёта.
И дышит на стекло из переплёта.

Ты что, душа моя, совсем сдурела?

Какое — тело? Что тебе в нём? Ад
и голова, где только звон и ветер.
Зевнёт, встряхнётся, как весёлый сеттер,
и впрыгнет в эти рёбра наугад.

VII

В сумерках

В сумерках с головой не зажигая
света
с толстой любимой в супере
лоснящемся на коленях
книгой
он сидит с наслаждением
вращая растрёпанные страницы
тьма
тяжелеющая ничему не мешает
всё наизусть

Пусть
проплывают медленно-подробно
в детских
родинках опечаток
хищных
царапинах карандаша
и дальше дальше
уже спеша — смазанный косо — овальный
синяк
библиотечного штампа
сладкая вмятина чайной
чашки и та — пустая
страница с обманной рифмой
где в подушечки пальцев врезается белый
шрам
от загнутого угла

Он усмехнулся припоминая
захлопнул вздрогнул
усмешка его была —
так могла бы душа
усмехнуться
во тьму листая
былые свои тела

*А лёгкие люди летят и летят
Над нами и строятся как на парад
Смыкается клин продлевается клином
О нить человечья на воздухе длинном
Их лица почти не видны за домами
Летят и свободными машут руками*

*На тягу земную глядят свысока
И нет им печали и нет потолка
И нету им пола и тела и дела
Остался ли кто на земле опустелой
Им лишь бы достать дотянуть достучаться
К начальнику счастья — к начальнику счастья?*

*А кто ж его знает какой там приём
Любовь моя мы наконец-то вдвоём
В отчизне любезной и в теле полезном
Под солнцем горячим под небом отверстым
Где красная-красная тянется нить
Как жизни летучее жало как жалость
И чтоб уцелело вернулось осталось
Давай их любить*

Глава вторая

Любовь и другие

I

Эрос Танатосу

...Эрос Танатосу говорит: не ври,
у меня ещё полон колчан, и куда ни кинь —
всякая цель, глянь, — светится изнутри,
а Танатос Эросу говорит: отдзынь!

Эрос Танатосу говорит: старик,
я вызываю тебя на честный бой,
это ж будет смертельный номер, прикинь на миг..
А Танатос Эросу говорит: с тобой?
Ты чего, мелкий, снова с утра пьян?
Эрос крылышками бяк-бяк — просто беда.

А у Танатоса снова чёрный гремит карман,
он достает и в трубку рычит: д-да...
и поворачивается к Эросу спиной,
и в его лопатке тут же, нежно-зла,
в левой качаясь лопатке, уже больной,
огнепёрая вспыхивает стрела.

II

Люба

♦

хаос не знает изъязнов сомнений осечек
хаос охотно взирает изглубока
как бултыхается воющий человек
ухо волна ухо нога рука
хаос надёжен и гармоничен в своём разоре
хаос — наш общий весёлый прижизненный дом
и человек вынырнувший из горя
волен держать лицо с улыбкой на нём

♦

Богородица глянет строго:
сопли утри!
Ты — любовь.
Царство твоё внутри.
Чем валяться ничком,
кричать целый день молчком,
лучше уж тарелки об стенку бить —
верное дело.

И тарелка уже поёт,
кружась волчком,
и сама взлетает,
нож воткнулся в стол,
начинает дрожать, звенит,
дождь за шторой пошёл,
набирает силу, гремит.

И она слушает
ошалело.

Дождь идёт без слов,
а кажется, окликает:
— Любовь! Любовь!

И она оборачивается,
и сияет.

И так нежно цветут
радужные синяки,
словно есть на этой земле уют,
а реветь глупо,
словно тут не пьют,
не орут,
не бьют,
не все — дураки.

Ты чего, Люба?

Улыбается.
Знает, что всех нас ждёт
не ухмылка больная,
не искривлённый рот,
не пинок в растущий живот
и не вечные горы
несвязанного лыка,
а — блестящий манящий свод,
весь —
вот такая вот
сиятельная,
слепительная
улыбка.

Ш

Южное

в холодной комнате в Харькове в январе
в свитере такой же толстой вязки как сам
стоит человек похожий на всё по швам
с бородёнкой в рыжем золоте и серебре

стоит хоть не верь глазам или ушам
или усмешке из рыжего золота и серебра
стоит как вопрос словно можно понять в 7 утра
человек се промысел Божий или хлам

Божий и неизбежный как будь добра
я конечно не буду но кофе в его руке
так парит остывая как нежная пыль по углам
и дрожит как солнечный заяц на потолке

IV

Ещё южнее

♦

Только оторвись на два шага
мур да мурр из темноты железной
южно-нёбное густое *za*
старожилицы одноподъездной

Ой а вы нэ бачилы кота
гарный ось такой рудый пухлявый
хрястнет дверь отъедет темнота
озарится дворик чернотравый

Суета облава кысь-кысь-кысь
жилистый забор бежит в просветке
лампочка болгается как жизнь
без кота потерянной соседки

Дуля на лохматом проводке
вхолостую движимого света
баба Ганя в кедах и платке
тень кота который канул в лето
красное лет пять тому назад

Ходит провод тень гоня косо
в постоянном поиске урчат
темноты зубчатые колёса

V

Ветер

Вечер в окошко тянет
чёрно-лунную ветку.
Тульская гейша Таня
дальний слушает ветер.
Знобкий восточный ветер.
Слушает, замирая,
вишню перебирая.

Слышит чайное пенье,
тысячелетнюю флейту.
В медном тазу варенье
вскипело, а значит лету —
скоро конец лету.
Медленное — до света
сварится наше лето.

Дети сопят за стенкой.
Ветер ветку колыхет.
Гейша снимает пенки,
всхлипывая неслышно,
тише, ещё тише, —
мешает чёрную вишню.

VI

Садовник

Маркиз окучивает сад
подвязывает розы
сливает чуткий аромат
свежайшего навоза
с живой основой ключевой
стирает светотени
трясёт садовой головой
стрижёт кусты сирени

Снимает пудренный парик
садится на скамейку
и достаёт из-под вериг
пригретую жалейку
и шестикрылые шмели
малинницы и феи
летят со всех концов земли
и больно дудочка свистит
и в каплях пота плешь блестит
и нежно розовеет

Грузнеет воздух золотой
протяжной жалью налитой
наитий непреложных
в томленье одуренном
трепещет света решето
и основоположник
садизма счастлив как никто
в саду своём тюремном

VII

Петрович

Сам с собой говоришь, говоришь, говоришь,
рассыпается август, желтея, лысея,
шелестит круговая листва одиссея:
ишь
разболтался, мажай, развинтился в ночи,
на листки раскололся, а договориться
сам с собою не смог, — и дымится висок,
хоть кричи;
в бедном черепе шмон — миллион летунов,
трепыхаются, бьются о лобные доли,
раскрываются больно, мелькают в неволе, —
ум в ловушке мозгов;
кувыркаются мысли, слетая с кругов,
словно листья в оконном аквариуме,
разлетелись по кругу и жмутся опять
бестолково друг к другу, слипаясь во тьме,
но распавшийся август из них не собрать
без ума. От ума. На уме.

*По стеклу частит, мельчит, косит обложной дождь
и берёт за душу, ревниво смывая тело.*

Я прошу: «Забери меня скорей. Заберёшь?»

Разлетаются капли — ишь чего захотела.

А душа в руке его длинной, скользкой дрожит.

А в размытом воздухе вязкий гул ниоткуда.

*Сколько можно тянуть эту муть, эту ночь, этот стыд,
я ведь тоже вода, забери ты меня отсюда.*

И вода заревёт, взовьётся, ахнет стекло,

отряхнётся и медленно — разогнёт выю,

и душа, вся в осколках, рванёт, сверкнув зело,

в самый полный Свет, где ждут меня все живые.

Глава третъя

Волна

I

Кольцевая

...и брызнуло стекло
дым обвалился с грохотом кусками
и красные ошметки разнесло

и тихо так что слышен этот свет
пульсирующий вверх по склонам лет
раскатываясь плавными кругами
он медленно вздымается одной
переливающейся обводной
винительной волной над головами
листающей все царства вверх ногами
все страсти задом наперёд
колеблющей прозрачно терпеливо
тяжёлое воздушное табло
шелкунчик щёлкает
волна дрожит растёт
и слышно как на гребне перелива
иной сверкая стороной
обратная ликует перспектива

так тихо здесь от взрыва и до взрыва
здесь
на земле гармонии сплошной

II

Хор

Напрягись, вспомни — остался пустяк, зазор.
Голова горит — сейчас ты услышишь хор.

Узкий воздух зазорный дрогнул — вот уже,
округляя гул, растущий в ракушках ушей,
дирижёр взлетел на носки, втянул живот,
замахнулся, навис, плеснул руками, вот —
звук ударит в купол, ухнет в прожилки плит:
и-и-раз — ...но хор молчит.

Больно всем. Вспоминай. Каждого! Вспомни их.
Всех живых и мёртвых и прочих — как живых.
И-и-раз — ещё! интонацию! жест! взгляд!
...и опять волна по ушам, и опять — назад.

Хор стоит колонной в затылок, открыв рот,
надрывая связки, слушай! — сейчас, сейчас,
дирижёр взмок, машет, беззвучно орёт,
и волна, крутанув, срезает его на *раз*,
накрывает зазор, хлещет во весь напор —
вспоминай, пока поднимается новый вал, —

и спокойно имя твоё произносит хор
всех — кто хоть раз в жизни тебя позвал.

Ш

Святки

Нет, не о смерти. Всё с ней и так понятно —
детская дрессировка, *всегдаготова*.
Не о слезах — не заговёшь обратно.
Просто скажи: Лёша. Наташа. Вова.

Бабушка Соня. Глебушка. Миша. Нина.
На табуретке. В кухне. Сижу живая.
Таня и Толя. Внятно. Медленно-длинно,
бережно-бережно по именам называя.

Как вы там, милые? Дробь и погудки горна.
Холодно вам? Здесь у нас — дождь и святки.
Саша и Саша. Плавится шёлк у горла.
В слёте дружинном. В святочном беспорядке.

В долгоиграющих праздниках столько света,
столько огней, жалящих именами,
ёлки горят — словно жизнь до корней прогрета
и никакой разницы между нами.

Ночи идут строем, вьются кострами.

Даты и даты. Звёздочки именные
пристально кружат в здешних кухонных куцах.
Столько любви вашей во мне, родные, —
хватит на всё. Хватит на всех живущих.

IV

Барнаул

Сугроб ревел всю ночь. До самой крыши
засыпал сон, и синий свет в дому
откапывали утренней лопатой
с полоской жести на боку квадрата:
ворочался в окне кудлатый слон,
огромный, деревянный, настоящий,
подкованный гвоздём, таким блестящим,
что свет, скрипя, менялся слой за слоем,
за взмахом взмах — густое, голубое,
глухое — Божий мир смежён,
теплее, гибче — свет уже трепещет
в ресницах клейких, проступают вещи
по клеткам комнат — шах! — топочет слон,
и первый луч раскалывает сон.

Там свет ещё, там снег ещё валит,
там ходит деревянная лопата,
зарыт в сугробе ферзь, блистает гвоздь,
раскопки продолжают, нас ищут,
свет переменчив, но всегда светло,
и с валенок у печки натекло,
и к варежке салазки примерзают,
язык — к железу — шах! — и свет в слезах,
и солнечные мальчики в глазах.

◆

А качели прибиты в дверном проёме,
потому что — *горло*, вечный мороз,
потому что жизнь происходит в доме,
угольком отмечается зимний рост
от последней прогулки до первой прогулки
в неизбежном пуховом платке крест-накрест,
мимо трёх собак в Страстном переулке,
в край посёлка, по кромке хрусткого наста,
где встречает нас молочница Настя
и хлопочет, обухом вышибая
голубую глыбу со дна ведра,
где она сама на свет — голубая
в гуще снега и млечных осколках двора,
где мычащий пар из щелей сарая...
— Ты идёшь?
— Сейчас!
— Ну, идём.
Идём.
Напрямик. Домой. Молочным путём.
Синий лёд в авоське. Тепло, легко
тянет за руку бабушка, рассекая
в небесах замёрзшее молоко.

V

17 февраля

Саше Башлачёву

Весь день весь день весь день колокольчики
звонят звонят звонят отовсюду
словно время разъято и битвы закончены
и кругом победа
и по неба своду
по отлого-вогнутой по стропильно-рёберной
тишине
разворочено-шиферно-кровельной
то взвиваясь в да
то сходя на нет
в этот свет валит оглушённый снег

И поводит огромным спиральным ухом
укрывая землю февральным пухом

Язычков железных сквозной дозвон
одновременный со всех сторон
одноимённые колокольцы
словно снежный свет готов расколоться
разметая ближних и недалёких
каждый жест сторожа дребезжа в лёгких
то яснее-реже
то выше-глуше
бубенцов кольцо на твоём запястье
не звони так больно я слышу слышу
я как снег оглохну сейчас от счастья

VI

Свидетель

шух-шух — ветер шурует в травах
пыльные стебли путая переплетая
делит по ним идущих на правых и правых
делит лежащих под ними на атомы рая

в реках подземных гудит корневая медь
и распрямляясь трава начинает звенеть

так пустота в пустоте играет зазывно
чистый звук из ничего извлекая
вёрткий репей прыгает припевая
мелкий сухой свидетель Большого взрыва

VII

Фонарики

Тане Бек

Я усну на левом
носом в колени
как без памяти
как запятой эмбрион
и войдут с припевом
пилигримы-калеки
снова клянчить своё
забивая сон

Всем-всем-всем
чего-нибудь не хватает
легионы локтей
и ртов и глаз
сводный хор
фрагментов людей
распевает
что история человечества
не удалась

Что затея жизни
не состоялась
что идея ночи
жало дня
я сжимаюсь в ноль
в раздраженье
в жалость
каждый первый встречный
жалит меня

И в каждом горит
разносветный фонарик
и каждый просит
и все должны
попрошайки земной
огибают шарик
как воздушный
с лёгкой
ночной стороны

Чередой вживую горящих точек
в чрево ночи Господи в чрево ночи

Посмотри же
вот я
точка
земля
голая глина
идеальный калека
Ты начни сначала
лепи с нуля
вырасти
сделай из меня человека

Своего человека
хоть одного
целого весёлого летнего человека
кому
не надо ничего

февраль 2005

*Продираешь глаз: ну и ночка была!
Как же я долго спала — так, что успела
прорасти насквозь. В поле — тела, тела
крепко прошиты травами ржавострела.*

*Солнце всплывает. Ворон взлетает. От
мёртвой воды ломит весёлые кости.
Близкий ручей размыленный сор несёт,
в розовой пене — вести, ветбшки, грозди.*

*Солнце зависло. Ворон кружит ещё
с алюминиевой солдатской кружкой в клюве.
От живой воды больно и горячо.
А говорил — никто никого не любит.*

*Вечно врёт, а краснеют — щёки рябин.
Грузных, предзимних, в частой поклёвке с граем.
Собираешься с миром. Уходишь — один.
Возвращаешься, а мир неузнаваем.*

*Тесен между столетиями проход.
Вроде и лица те же, а всё иначе.
Солнцем сентябрьским подначен, шиповник цветёт,
белый, как первый день после мёртвой ночи.*

Глава четвёртая

Световорот

I

Белый день

Жизнь не движется
стоит себе в одной точке
переминается с ноги на ногу чешет репу
а кругом *господитволя* птички-листочки
так и чиркают-чирикают по зелёному небу

А она ёжится озирается словно
первый раз на свете живёт и впрямь сробела
как сиделец кровный выпущенный условно
в этот день белый из смерти осточертелой

За спиной вечная вечность и всё что было
впереди вечная вечность и всё что будет
сквозь неё время со временной своей силой
а внутри неё море-море и люди-люди

Люди добрые! добрые люди? переживая
эту жизнь как ужас или привычку к чуду
или как всегда как лучшую здесь минуту
это я в зелёном небе стою живая
и машу — беги!
и я тебя!
не забуду!

II

Световорот

Просто чума в застолье
сорвана да жива
катится в чистом поле
гулкая голова

В царских репьях по брови
в ночь поперёк широт
в полном сорвиголовье
крутится и поёт

Времечко без обреза
эхо из-под корней
ржавая песнь железа
жёлтая песнь костей

Сердце стучит в затылке
мёдом текут усы
вьются из шейной жилки
красные бусы росы

С кочки скачком на кочку
следом светлячий рой
все мы воскресной ночью
ближе к земле сырой

Юзом сквозь паутину
липнущую венцом
плюхом в белую глину
слеplенную лицом

Нос в табаке отбила
уши ободрала
кубарем вдоль обрыва
колет глаза трава

Лишь бы не затихала
в чёрных кустах кружа
лишь бы не заплывала
телом опять душа

Только б не понедельник
только не этот вид
как же стучит будильник
как голова болит

♦

...кто смежал этой розы завои...

Фет

погоди уймись обернётся легендой сплетня
покружит окрепнет и обратится в миф
на веранде открытой миру на вечнолетней
чёрный чай зелено вино белый налив
дождевая плёнка горит покрывая грядку
златоклювая капля в ржавую метит кадку
больно глянуть полдневный бес истоптал сетчатку

у прохожего пугала тысяча солнц в рукаве
от крыльца краснеет кирпичная пыль дорожки
кубометры лени валяются в жирной траве
пролетает ребёнок счастливый как на обложке
и победное радио резонирует в голове
 чтобы тѣк этот свет свободно сквозь стены в щели
 и полоски решѣткой строились на полу
 и гуляли по потолку как захотели
 и вились-велись живые на самом деле
 чтоб накалываясь на солнечную иглу
 всякий мимоидущий
 задравший к затылку брови
 обернувшийся
 не оторвал бы глаз

Световой завой. 58-й. Подмосковье.
Миф как миф. Прочти его ещё раз.

Ш

Герметика

Это лифт на небо — в мокрые провода.
Есть у нас всякие сердобольные средства:
ржавый левый гвоздь в груди (именины сердца)
и слова, слова, слова, например: никогда.

Вниз летят города, лица, лета, детали,
вспоминай скорей, что там ещё осталось,
есть слова крылатые, например — сандалии.
Есть слова забытые, типа — жалость

зацветает Нил
 по жилам плывёт жара
и бензин радужный
 кольцами
 и запястье
 жадно тикает
 золотой шар и гора
Есть же ещё слова, например — счастье.

Выше, выше, чужая уже голова,
бело-халатный Гермес в госпитальном лифте,
клацнет дверь, и сразу вспомнятся все слова.
Я всегда была счастливее всех в Египте.

IV

Тот

Живот луны растёт, в нём свет плывёт
вниз головой, прижав ко лбу коленки;
вот локоть-луч прокалывает стенки
фольклорные — и вылупился Тот.

Тот видит свысока наоборот
подлунный мир, готовый к пересменке;
тараща в тьму египетские зенки
зелёные, Тот сочиняет счёт,
и письменность, и память. С этой ночи
луннозаконной — всё пойдёт иначе.

Тот морщится, разглядывая впредь
все извороты мировой культуры,
времен и человеческой природы.
Но — письменами вспыхивает Твердь.

Не надо знатного ума
чтоб начитать абзац
есть свет и свет как тьма и тьма
птицеголовый чтец

Над лодкой полая луна
и от неё круги
гляди пернатые со dna
вскипают огоньки

Идут петляя и темня
они тебе родня?
я здесь на линии огня
не проворонь меня

Здесь в этом клюве световом
сойдётся наконец
весь сущий свет в тебе одном
со всею тьмой мудрец

Египетский световорот
вдоль лодки за корму
и лунный луч как огнемёт
распарывает тьму

Меня в луче почти что нет
но сорок тысяч лет
я вчитываюсь в этот свет
не видный никому

V

Праздник военно-морского флота

свет велик и продольно изрезан как Севастополь
дышат с присвистом ракушки бухт и колышут жару
вспух брезент гарнизонный на жовто-блакытном ветру
даст отмашку прихлопнет и солнце пошло на посадку

нервно прыскают волны-подлизы по яшмовым глыбам
обегая шпионской медузы чудовищный гриб
в ржаво-розовых злачно-зелёных зазубринах глыб
преломляется луч разжигая вечернюю воду

известняк остывая желтеет синееет влажнеет
базилик-редкозуб обращается в сумрачный лес
так на жизни другой половине звонит Херсонес
что над городом чёрным взрывается бес фейерверка

пристань Графская вскрикнет как будто подстрелено лето
будто пушками твердь отсекли наконец от земли
где уже самостийно-горящие корабли
изрезают продольную темень до полного света

август 2005

VI

Сахалин

Только по воздуху. Воды здесь
рыхло-ухабисты, кряжисто-серы,
воздух висит, не касаясь терры, —
веры и электричества взвесь.
Пока беззвучная взвесь.

Иди

по этому воздуху на этой нитке,
в замкнутой глухо стеклянной кибитке
с красно прилипшим листом впереди,
выше всех городских крыш,
крон, и маковок, и антенн, —
фуникулёр выправляет крен,
дрожит, ныряет и режет тишь,
в провод вытягивая звук,
жаркий, железный межрёберный стук.
Дух перехвачен, охвачен дождём,
сопок загривки распластаны близко
в южных подробностях Сахалинска,
в крупных каплях на лобовом.

Дверь отъезжает с пробным щелчком,
вспоротый воздух идёт на таран:
именно с этой сдуваемой точки
можно увидеть, как молча топочет,
жизнь гремучую обнимая,
страстно пляшущий океан.

Фыркает катер.

Стою на корме, смотрю, как легко оно катит
белые дни мои в опушке красной,
бормочу себе: «Ех oriente lux», —
накрывает волна, что холодный блюз.

Берег рядом. И горит ясно.

Жаль земного поселенца!
Баратынский

*Лёгкий друг мой, залётный друг,
маленький веселящий дух,
ранний свет вокруг трещающий,
дух, захватывающий дух
хрустом в горле, сверлом в виске,
хитрой скрипочкой вдалеке,*

*дай, пока не трубят: пора,
надышаться тобой с утра.*

*Над попавшею в сеть землёй
сквозь ячейки-узлы вестей
бранный вихрь, ураганный сбой
отряхает листву людей,
солнце катится на восток,
это — долгое, как в горах,
о, позволь мне хоть раз, браток,
поболтать с тобой просто так.*

*Уморительный дух живой,
зажигательный вестовой
крутит огненную восьмёрку
над развинченной головой —
золотая моя юла,
дай мне тихо сказать: ура,*

*что б там ни было впереди,
не печалься — лети.*

Глава пятая

Пролётом

I

Пролётom

Не хотелось прыгуну улетать на небо,
Нравилось ему на земле, где ульи, дом, жена и дети.
Из духовных стихов

Царю небесный, спаси Своих прыгунов,
Торопыг Своих, пока распевают бело
Песню взлёта, и выскакивают из слов,
И родимый улей славят, где всяк готов

Оторваться, радея страстно, — шаг из тела,
Из окна, памяти, времени, Боже сил,
Ты же видишь, как всё им здесь осточертело.
Ясен перец, что не Царское это дело,

И всё же сжался, ведь каждый из нас любил.
И терял. И бился с воздушным флотом,
Расшибал грудью бетон воздушных стропил,
Руки вскидывал, вспрыгивал, как шизокрыл, —

Все мы тут из пустоты в пустоту пролётom.
А ночи Твои светом обильны, что дни,
А травы Твои дымом крепки и мёдом,
И виннотёмные волны Твои йодом,

Кораблями, стронцием, чудами красны.
Разжимая боль, лучится земная сила.
Гравитация отстёгивает ремни.
В ближнем кругу зажгла бортовые огни

Любовь, что движет солнце и светила.

II

Моя золотая

А что остаётся? Стихи.
Не все же кругом идиоты.
Безвременник пышный цветёт
и пахнет бессмертником — что ты!

Все лица, слова, лопухи
повязаны цветом разящим,
вчерашний цедеящая мёд,
залипнет пчела в настоящем.

Зависнет, жужжи не жужжи,
крыло отрывное теряя,
скажи, что и это пройдёт,
скажи мне, моя золотая.

— Кромешные травы глухí.
Не лжи — время каплет из сот.
Ну что мне останется от
тебя? Ну конечно. Конечно.

Ш

Солнце

В тёмной траве мокрой траве
стебли-стволы раздвигая неробко
бродит ревнивая божья коровка
с солнечной точкой в пустой голове

Чуя как запад чадит остывая
плавит усердно подземные швы
точную рифму себе выбирая
из несгибаемых листьев травы

Почва налипла на лапы — болит
божья коровка замрёт на развилке
точное солнце вспыхнет в затылке
корни спружинят — выгнут прожилки
и оторвётся капля-болид

Свет тяжелеющий переливая
перевернётся изнанка сырая
дрогнет поверхность листа лицевая
и наклоняясь к лицу — загудит

IV

Переводчик

Il pleure sans raison...

Verlaine

Ранний Верлен барабанит в стекло
буйствует в каплях секущих
как же размыло тебя развезло
сентиментальный прогульщик
как же ты за ночь пожух посерел
дождь тарыхтит без акцента
автор скандалит — на опохмел
клянчит хоть каплю абсента

Переводчик не пьёт и не спит
свет слипается и болит

Беспереводная жажда и дрожь
барменша проклятой славы
это в Париже абсентовый дождь
розовый клейкий картавый
булькает жизнь твою переводя
мёртвому — вольная воля
что же ты гонишь под скрежет дождя
мне с Елисейского поля

А каретка застряла на врёшь
а над городом дождь дождь

Капель косматых нездешняя рать
ливень на фавна похожий
воет болезный и лезет опять
из ледериновой кожи
череп культёю винтом борода
в буркалах мутная Сена
в небе вода причитает вода
ах господа всё на свете вода
нет никакого абсента

Над Коломенским дождь дождь
запрокинешь лицо и пьёшь

V

Марсий

у Марсия крепкая кость а копытца медны
а долгие острые уши не всем заметны
и сам он почти не заметен в толкучке воскресной
в январском гремучем Коломенском в музычке местной
лишь встречный флейтист припадая к волшебному пиву
пригубив прилично увидит прозрачную спину
прикрытую буро-кудрявой щетиной когда-то
а Марсий идёт вдоль ларьков заводных до заката
и чутко вибрируют уши его ножевые
фильтруя ударные струнные и духовые
а Феб замечает врага и краснеет от гнева
и жизнь обнажаясь от скользких асфальтов до неба
краснеет краснеет и длится и длится краснея
и Феб шаролицый ревниво клонится над нею
в аллеях цепных карусели визжат улета
смеются разводят руками разит шашлыками
на лавочках парочки смёрзлись в кустах перепалка
о жизнь моя красная что тебе музыки жалко?
да сам он не знает любовью горит или злобой
вон луч снегирём забарахтался в лоне сугроба
вон смотрит на солнце закатное красный прохожий
свободно
как всякий счастливец без кожи

VI

Ars poetica

За порочную нежность к жаркой красной глине
отчитал меня за кувшином поствинограда
харизматик знакомый Уни-Сан-Миокардо
виртуозец знатный на компе и клавесине

Ты хоть можешь себе представить во что ввязалась
рассыпая искры в мире чёрнофигурном
в ритмично-мерцальном воздухе самодурном
всё б тебе горшки-лошадки всё б тебе алость

Всё бы радость тебе да случки горнего с тварным
(световая пила пульсирует из-под клавиш!)
ты кому лепило поёшь кого обжигаеть
набирая скорость в круге своем анчарном

И свистулька в рёбрах крови моей исполнясь
залилась и живые фигурки кружат разно
именные на длинношем кувшине красном
и сияет Уни как натуральный японец

Заводному кругу точно не отвертеться
сердобольный круг хрипит но летит как новый
мне слова твои Уни Саныч что мёд червовый
говори-говори у нас именины сердца

VII

Дождь

День! — просто лучше не может быть:
долги смыывающий дождь
бьёт водомётом сквозь плоть городских
плит, и битый воздух болит,
и свет горит — как любить любых.
Солнце. Обратный дождь.

Фонтаны — веером, струи — с дом,
радужных капель прыть,
идёшь себе по воде пешком
за каждым источником, родником,
лучом — весь день преломляясь в них
и думая ни о ком.

Идёшь пешком, а могла бы плыть —
лодка в наклонной воде
спешит над крышами за тобой,
сшибая рога антенн бортом,
и лодочник дышит в затылок твой
и сушит вёсла в дожде.

И что ключи прорасти смогли —
греет, пока идёшь,
как дождь, идущий из центра Земли,
ещё не остывший дождь.

А от солнца — пар, и от крыши — жар,
и долго ещё идти,
веслу — грести и ручьям — цвести,
а всех обиженных, Бог мой, прости,
высокой водой накрывая Шар, —
прости. Сегодня. Прости.

*И выходит к утру из утихшей воды
ей навстречу поспешно всплывают сады
вверх корнями цветеньем колеблемым вниз
обтекаемых листьев подшивками вглубь
паровозом воздушным заутренний бриз
обрывает ей пар с дробно пляшущих губ
и провозит его меж звенящих корней
по извивам в запарке не видимым ей*

*Слабый капельный звон матерееет в пару
ей не то чтобы холодно ей на ветру
непонятно чего на земле так звенит
голый звук набирается в круг берегов
размывая сады разливая зенит
по лопаткам мурашкам шарам позвонков
и парит и развесила уши свои
водяная сухая счастливая И*

Глава шестая

И

I

Дачное

Не заснуть бузит соловей проклятый
словно бес ему раздирает горло
и тебя сосед он поднял сегодня?
глянь орёт себе на кусте бузинном
вниз головую

Я б его стряхнула но эта ветка
сквозь забор пролезла на ваш участок
я б её срубила о! нет на свете
ничего точней ничего сочнее
дудки кустарной

Ну шустёр! востёр твой садовый ножик
погоди продуй осторожно чтобы
семь отверстий узких прорезать в трубке
и к губам приблизив почуять горечь
крови бузовой

Зверь-буза! чуть дохнёшь сама играет
звук зелёный жалящий близорукий
а лихая вышла у нас сопелка
что ты мальчик что ты это всего лишь
старая песня

Это знаешь — дудки! да басни лета
это просто месть соловья-бандита
бузина звенит на ветру соловом
это свист — бузотёрский пыл и козни
вредной жалейки

II

Вечер

На златом крыльце сидели
вечером втроём
на закатный свет глядели
каждый о своём
дышат яблоки из сада
падший лист летит
предосенняя прохлада
губы холодит
тихо будто батарейка
кончилась в часах
лишь паучка-делошвейка
нитку берedit
в швах
швах

Засмеялись остужая
накативший стих
обнялись соображая
снова на троих
завелись переругались
снова обнялись
вся в подробностях деталей
дальнорзких близь
проплывает паутина
с грузилом росы
покачнулись больно длинно
воздуха весы

Увивается тропинка
сада за края
бабье лето вечеринка
смерть любовь и я

Ш

Луна

Зарубили липку сломили
скорчевали в прошлом ещё веке
а она всё скрипит или
припевает и фалангой ветки
вязким лыком в стекло стучится
так что дыбится занавеска

Отвяжись — ничего не случится
отлепись — я тебя забыла
душегрейка головорезка
ты ж фантомная липовая сила
голый воздух между словами
от себя до себя пролёт
ты как родины бывшей сила
щедро пущенная в расход

А она пропадёт и длится
шелестит ехидная шутиха
затаится и тихо-тихо
зелёными фыркнет огнями
и покачиваясь глумливо
всхлип-лип-тает
в ночи дождливой

IV

Рябина

Вот стою, качаясь, ломаю ветки,
надувает снегу в разломы ветер,
а как жарко пели меня соседки
в барнаульском детстве в метельный вечер
за чекушкой тёплой, под воскресенье,
головой склоняясь на стол с клеёнкой.
Нежно-хриплый, грудной и рябинно-тонкий,
невозможность, сила и наваждение.

До утра за стенкой втроём гудели
на хвосте недели, после работы,
заводили в пятый, десятый, сотый,
будто нету песен других, а этой —
что душе свободной от вашей свободы
в деревянном огнеопасном теле:

*ой летит в метели беда на горе
а вьюга ягой а пурга ордой
Обь-река горит в ледяном загоне
бродит магма под вечною мерзлотой
рябь коры и красные грозди коры
рёв корней и эхо в стволе и кроне
годовые кольца в смоле густой —*

словно горло сдавлено широтой,
словно жизнь — дубовая авантюра,
словно в этой рябине назло счастливой —
вся великая русская литература
(с бесполезной женской инициативой).

V

Инь

♦

...и тогда она
нырнула в лес — не сумрачные чащи,
нормальный подмосковный леший лес,

и набрела на дивный свет, стоящий
с косым копьём луча наперевес,
щебечущий, блистающий, зовущий,

он гнулса, отрываясь от корней,
и ел глаза, и набивался в уши,
и, колыхнувшись, двинулся за ней.

То шёл столбом, то шаром, то воронкой,
то нежно перед ней сводил края,
и тёк насквозь, оттягиваясь тонко,

и прожигал на глубину копья,
и щурился, и улыбался светски,
и щёлкал, что волчица-львица-рысь,

и прыскали обломанные ветки
и зайцами вокруг неё неслись,
и каждая минута-неотложка

в ней длинно разгоралась на бегу:
свет нависал и замирал сторожко,
отсчитывая нервные ку-ку.

Вслепую, на гармошку из вагона,
к платформе, обдираясь о кусты,
ощипанной, засвеченной, прожжённой,

а всё же добралась до темноты.

◆

Единственный иероглиф.
Лучшей китайской бумаги
желтеет стопка.
Подумаю о тебе —
тушь засыхает на кисти.

VI

Туман

Туман поднимается с тёмной воды
белея
и руки разводит укрыть от беды
смывая предметы сливая черты
как будто одна на земле я

А там за туманом за мутной стеной
в блестящей
в случайно отбившейся капле одной
растёт океан и молотит волной
невидимый свет настоящий

Но шума не слышно но он впереди
но к солнцу и грому и вою
так рёбра подпрыгивают в груди
что кажется — сможешь сквозь стену пройти
навывлет
на вольную волю

Оле Добрицыной

*Стрелка солнца обломилась
радугой мгновенной
выгнул жилистую спину
лист обыкновенный
и на нём полужелёном
с жёлтого края
просияла половина
капли золотая
так
что сплавился прозрачно
в половине этой
целый свет и засветились
все детали света
так
что было есть и будет
блик одновременный
в полуполюшке полупочке
полудрагоценной
так
что все недо-уменья
недо-разуменья
выжег фокус натуральный
моментальный луч
скандальной
ясностью свеченья*

*Лист прожжённый содрогнётся
и легко от края
оторвётся капля солнца
длинноклювая литая
на лету сверкая*

Глава седьмая

ПОЛНЫЙ СВЕТ

Лето Господне. Луч на плече. Жара.
(воздух течёт — хоть выжимай платье)
В доме радость — гостья! переполох с утра:
— Знаешь, Маша, ты мне теперь сестра.
— Все мы сёстры!
— Некоторые — братья.

Их тела прозрачны. Тени прошиты светом.
Каждая — носит в себе сына.
— Человек — это глина.
— И дух!
— Дух и глина.
(сыновей убьют — но они не знают об этом)
Они болтают, пьют лимонад, смеются.
(о Утешитель всех сокрушённых сердцем)
Кудри одной морем червонным льются.
Косы другой — крупная соль с перцем.

— Лиза, смотри, какие вчера браслеты
подарил мне Оська — яхонт на изумруде!
(лёгкость моя — летняя лёгкость где ты)
Солнце на крыше что голова на блюде.
Тень на стене сложилась крестообразно.
На столе лукум, орехи, гроздь винограда
в каплях розовых, луч в разломе граната.
Чудятся дальние громы, а небо ясно.

Первая — девочка. Вторая — почти старуха.
Над головами их по горящей сфере.
— Слушай, Маш, а он... он тебе верит?
Верит Иосиф, что... от Святого Духа?

Что такое две тысячи лет?
Глоток лимонада.
Миндаля ядрышко в сахарной пудре липкой.
Две слепых минуты.
И тёмная ночь над зыбкой
(сумки-шуба-шапки-валенки — из детсада
на руках — ангина — градусник на пределе
человек — дух дух дух — дух и глина
скорая — заблудилась где-то в метели
Боже — не оставляй моего сына).

Усмехнулась Мария. Сияет Елизавета.
Луч сломался. Лица подсвечены снизу.
Тонет солнце за кровлями Назарета.
И рождается Свет. Но прежде — Свидетель Света.

Красноглазый голубь разгуливает по карнизу.

Послесловие

Время длинное, длинное, как вода.
Вот бы сидеть над этой водой всегда.
Вот бы под этим деревом и сидеть.
Просто сидеть и в воду эту глядеть:

как горит песок невидимый на дне,
как звенит серебро-золото в волне,
как меняет цвет разносторонний свет
и со всех сторон птицы летят ко мне.

Облепили так трепетно, ровно я —
голова-руки-ноги — гармония,
словно сейчас возьмутся на мне сыграть,
будто им нет во мне никаких преград.

Хорошо сажу. Нет у меня врагов.
А проплывёт что-нибудь вдоль берегов —
птиц разногласных крепко собой держу —
только пернатый шорох по камышу.

Стукну затылком по дереву: уф, уф.
Все мы смешны, когда разеваем клюв.
Уф — как трещат пёрышки. Уф — тишина
перистая. И времени — дополна.

В книге

«Как я жила до сих пор, ничего не зная...»	3
--	---

Глава первая. Части света

I. Объяснение	7
II. Перекрёсток	8
III. Герой	9
IV. Лист	10
V. Сумарочка	11
VI. Прогулка	12
VII. В сумерках	14

«А лёгкие люди летят и летят...»	16
--	----

Глава вторая. Любовь и другие

I. Эрос Танатосу	19
II. Люба	20
III. Южное	22
IV. Ещё южнее	23
V. Ветер	25
VI. Садовник	26
VII. Петрович	27

«По стеклу частит, мельчит...»	28
--------------------------------------	----

Глава третья. Волна

I. Кольцевая	31
II. Хор	32
III. Святки	33
IV. Барнаул	34
V. 17 февраля	36
VI. Свидетель	37
VII. Фонарики	38

«Продираешь глаз: ну и ночка была!...»	40
--	----

Глава четвёртая. Световорот

I. Белый день	43
II. Световорот	44
III. Герметика	47
IV. Тот	48
V. Праздник военно-морского флота	50
VI. Сахалин	51
VII. Стихи о начале света	52

«Лёгкий друг мой, залётный друг...» 54

Глава пятая. Пролётом

I. Пролётom	57
II. Моя золотая	58
III. Солнце	59
IV. Переводчик	60
V. Марсий	62
VI. Ars poetica	63
VII. Дождь	64

«И выходит к утру из утихшей воды...» 66

Глава шестая. И

I. Дачное	69
II. Вечер	70
III. Липа	72
IV. Рябина	73
V. Инь	74
VI. Туман	76
VII. Весть	77

«Стрелка солнца обломилась...» 78

Глава седьмая. Полный свет

«Лето Господне. Луч на плече...» 81

Послесловие

«Время длинное, длинное, как вода...» 85

Ирина Александровна Ермакова. Седьмая. Книга стихов.

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

технический редактор:

О. Тузова

Автор фото на обороте обложки – А. Степаненко.

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 05.05.2014.

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 5,5

Тираж 1000 экз.

Ирина Александровна Ермакова — поэт, переводчик, лауреат нескольких литературных премий, автор шести книг стихов. Стихотворения, включённые в книгу «Седьмая», публиковались в 2001—2013 годах в журналах «Арион», «Вестник Европы», «Девушка с веслом», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Рубеж».